

Ю.М. РЕЗНИК

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НА ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ЗАМЕТКИ СТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ)

***Аннотация:** В статье рассматриваются некоторые основания позиций, заявленных участниками экспертного опроса. Автор, выражая своё несогласие с мнением участников, обосновывает своё видение ситуации, сложившейся в отечественной социологии. На его взгляд, кризис этой науки в России обусловлен не общемировыми тенденциями и не её хроническим отставанием, а отсутствием собственной картины социального мира, которая наряду с культурным «ядром» (способами смыслополагания и «вечными» ценностями) является важной частью цивилизационной идентичности ученых и необходимым условием развития их профессионального этоса.*

Россия как социокультурная общность уже давно стала на путь самостоятельного цивилизационного развития, но никак не завершит свой исторический выбор, заимствуя чуждые ей западные способы смыслополагания. Поэтому отечественные социологи оказались в сложной ситуации: пытаться освоить до конца научный этос западной социологии и встроиться в её «теоретическую повестку дня» или развивать собственный этос, соответствующий российской цивилизационной идентичности. В любом случае им необходимо, по мнению автора, преодолеть комплекс профессиональной неполноценности и выработать устойчивый иммунитет к экспансионистской стратегии и постмодернистской идеологии западной социологии, размывающих границы других национальных школ и цивилизационных центров.

***Abstract:** The paper is focused on some grounds of views offered by experts in this survey. The author expresses his disagreement with their opinions and justifies his vision of situation in Russian sociology. In his opinion, the crisis of this science in Russia is due not to global trends and not to its persistent lag, but to absence of its own picture of the social world which, along with cultural «core» (ways of meaning-setting and «eternal» values), is important part of civilization identity of scholars and necessary condition for development of their professional ethos.*

Russia as a sociocultural community has taken a path of independent civilization develop-

ment, but can't accomplish its historical choice and borrows Western ways of meaning-setting. Hence, Russian sociologists found themselves before dilemma: to try to appropriate completely the scientific ethos of Western sociology and integrate themselves into its «theoretical agenda» or to choose the way of development of their own ethos corresponding to Russian civilization identity. In any case, they need, in author's opinion, to overcome a complex of professional inferiority and to develop persistent immunity to Western sociology's expansionist strategy and postmodern ideology that erode the boundaries of other national schools and civilization centers.

Ключевые слова: социология, социологическая теория, научные школы в социологии, прикладная социология, социологическое сообщество, цивилизационный выбор, способы смыслополагания, идентичность, профессиональный этос.

Keywords: sociology, sociological theory, scientific schools in sociology, applied sociology, sociological community, civilizational choice, ways of meaningfulness, identity, professional ethos.

Предисловие. Я не считаю себя полноценным участником экспертного опроса. Потому, что мой взгляд на нынешнее состояние отечественной социологии — это взгляд не «изнутри», а «снаружи». С отдельными основаниями её диагноза, которые сформулировали некоторые участники экспертного опроса. Чтобы не стучаться в закрытые двери и не нарушать корпоративную солидарность, сразу оговорюсь, что моё отношение к ситуации в отечественной социологии — это взгляд стороннего наблюдателя, который переживает сходные чувства и настроения в соседнем профессиональном цеху — в социальной философии и социальной теории.

Начну с того, что у меня сложилась совершенно иная картина социального мира, чем у большинства участников опроса. Некоторые из них исходят из убеждения, что мы живем в мире тотального капитализма и рыночных отношений со всеми их плюсами и минусами. Следовательно, и социология должна встраиваться в этот мир и действовать по его правилам, быть «рыночной», «эффективной» или «востребованной» наукой. И социологам как наемным интеллектуалам надо постоянно доказывать свою «состоятельность» и «полезность», искать ресурсы, добывать гранты, угождать начальству, чтобы проводить свои исследования.

Но социальный мир в России оказался гораздо сложнее, чем наши представления о нём. В этом мире соединяются несколько субмиров — советский и буржуазный, авторитарный и демократический, монархический и анархический, либеральный и социалистический, несоциалистический и нелиберальный, и т.д., т.д. И у каждого из этих субмиров может быть своя социология. Однако один из миров, а точнее — его картина, оказался господствующим. Поэтому говорить о том, что наша социология представляет собой «плюралистическое поле», не приходится, поскольку сегодня доминирует лишь одна из социологий, представляющая в основном картину либерального мира. К сожалению, у неё нет сколько-нибудь серьезных альтернативных проектов.

Либеральная социология претендует сегодня на тотальную картину мира. Однако тотальный контроль над обществом устанавливает не только государство, но и транснациональные корпорации, являющиеся государствами в государстве. Конечно, либеральный тоталитаризм в меньшей мере прибегает к политическим репрессиям, чем к экономическим санкциям, хотя при их недостаточной эффективности нисколько не стесняется прибегать к силовым методам воздействия. Но его тоталитарная сущность от этого не меняется.

Благодаря сильному левому крылу в российской политике либеральный тоталитаризм в нашем обществе пока еще окончательно не утвердился. И поэтому в официальной социологии балом правят либерально ориентированные деятели. Они определяют содержание научных программ и образовательных стандартов в вузах. Им принадлежит также контрольный пакет акций в финансировании научных проектов. А ведь они являются меньшинством в социологическом сообществе, представляя (и репрезентируя) лишь один из миров нынешней России — либерально-рыночную экономику и связанную с ней либеральную демократию, которые отнюдь не являются единственным общественным укладом в стране. Все остальные социологи, чтобы сохранить свой статус, вынуждены подстраиваться под навязанную им картину социального мира.

Поэтому для меня не существует никакой «единой» как «мировой», так и отечественной социологии, которая бы находилась в одном идейно-теоретическом пространстве. Соответственно, нет и «плюралистического поля». Претензии на идейное господство и концептуальное доминирование в так называемой мировой социологии предъясняет только один субъект — западная (англо-саксонская либеральная по преимуществу) наука. Остальные либо вовсе не принимаются в расчет, либо игнорируются как маргинальные течения. Я не буду развивать здесь тему маргинальности отечественной социологии. Для меня сама постановка этой темы является достаточно спорной.

Когда наши коллеги с огорчением говорят об отставании отечественной социологии, то они имеют в виду, как правило, только один образец научности — англо-саксонский. И в этом отношении они ведут себя как «жалкие западники» и «мелкие подражатели». Но существуют и другие идейные течения (альтер-глобализм, левые проекты, феминизм, деколониальный проект и пр.). И по отношению к ним отечественные социологи и социальные ученые в целом проявляют удивительную сдержанность и даже осторожность, продолжая испытывать очарование картиной западного социального мира. Большинство из них уже давно смирилось с тем, что существует только одна столбовая дорога цивилизационного развития, которую демонстрирует всему миру Запад. Но мир меняется, и Запад находится сегодня на этапе перелома и перехода в новое качество. И этот переход сопровождается хаотическими движениями, пробными шагами и обыкновенными ошибками, которые отрабатываются на полигоне третьих стран. При этом сама западная социология оказывается не в состоянии охватить своим взором происходящее в мире, продолжая находиться в тисках прежних подходов.

Согласен с большинством выводов по итогам опроса, которые сформулировал мой соредатор В.Г. Николаев (молодость российской социологии, отсутствие развитой институциональной среды, смена парадигм развития социологии и пр.). Перед ним стояла другая задача — опираясь на анализ ответов экспертов, дать обзор разных точек зрения и показать точки их сближения по актуальным вопросам развития российской социологии. И с этой задачей мы справились, хотя состав участников опроса мог бы быть и более полным.

В то же время мне хотелось показать не столько проблемные зоны социологической науки, сколько онтологические (прежде всего, цивилизационные) основания, на которых базируются позиции участников экспертного опроса. Так или иначе, каждый из них исходит из представления о желаемом социальном порядке (предпочтительной в ценностном отношении модели общественного развития).

В многоярусной системе идентификации современного социального ученого цивилизационная идентичность занимает верхний этаж, предшествуя профессиональной, этнокультурной и персональной или личностной идентичностям. Над ней возвышается, пожалуй, лишь планетарная («общечеловеческая») идентичность. К сожалению, многие отечественные социологи уже давно сделали свой выбор и предпочитают вести речь о «высокотехнологическом», «сложностном», «дифференцированном», «хорошем», «самоуправляемом» обществе, образцы которого демонстрируют так называемые развитые страны мира. России же зачастую присваиваются ярлыки «примитивного», «догоняющего», «авторитарного», «неразвитого» или «развивающегося» общества/государства. Вот с таким «видением» и следует разобраться в первую очередь.

О цивилизационном самоопределении отечественных социологов. Постараюсь сохранить в своем тесте последовательность вопросов, предложенных экспертам.

1. Вся история социологической науки есть история борьбы групп влияния — сообществ, школ, кланов, клик и пр. Классики науки не рождаются, ими даже не становятся. Их, как правило, создают, превращают в кумиров, поднимая на щит их идеи и концепции и предлагая (или навязывая) их научному сообществу. Конечно, у нас имеются «продвинутые» социологи, но пока никто из них не объявлен «классиком». Придёт время, и кого-то обязательно назначат, придумают ему легенду и начнут продвигать. Так уже случилось в оценке выдающихся представителей отечественной философии советского периода, которых признали в качестве значимых фигур уже в наше время (Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, А.А. Зиновьев, И.Т. Фролов и др.). Стали ли они «классиками», не знаю. А потому не берусь судить. Нужны четкие критерии.

По мнению же В.В. Щербины, классиками социологии следует считать тех, кто связывал предметный ракурс науки с проблемами конституирования социального порядка. Те же течения, которые базируются на идеологии активизма, конструктивизма, плюрализма и конвенционализма, не имеют, по его мнению, прямое отношение к проблеме порядка, а значит, относятся к неклассическим. Эксперт ставит принципиальный вопрос: «Зачем изучать природу социальности, когда ее легко можно менять?». Радикально. Но дело в том, что социология не занимается исследованием природы социальной реальности. Это не её задача. Возможно, этим занимаются социальная философия и социальная теория.

Социология же должна объяснять совокупности социальных фактов и предсказывать ход будущих событий. На мой взгляд, она занимается конкретно-сущим в социальном мире, изучая связи между фактами, которые поддерживают или разрушают сложившийся в нём порядок, а социальная философия — всеобще-сущим, раскрывая сущностные связи в обществе. Социальная же теория выступает своеобразным мостиком между ними, тяготея к постижению общего социального (социетального) порядка. Вопрос же о том, кого считать социологом, а кого социальным теоретиком или философом, я оставляю для отдельной дискуссии.

В современной отечественной социологии также имеются свои кумиры. Среди них эксперты называют И.С. Кона, В.А. Ядова, Г.С. Батыгина и некоторых современников (А.Ф. Филиппов, В.В. Радаев и др.). Конечно, этот список неполон. И лично я знаю еще много выдающихся социологов, в т.ч. Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко, А.В. Дмитриев, А.Б. Гофмана, Л.Г. Ионина, С.А. Кравченко, Н.Е. Покровский, В.В. Щербину, В.Г. Николаев и пр. В одном только Социологическом центре РАН работает

много замечательных специалистов (А.Л. Андреев, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, И.Ф. Девятко, Л.М. Дробижева, Д.Л. Константиновский, В.А. Мансуров и др.). Что же касается известных социологов, то их гораздо больше (см. прим. 1).

Великие социологи, как и философы, подобно большим планетам притягивают к себе своей харизмой огромное число спутников (учеников и последователей). А вместе с ними они образуют планетарную систему (социологическое сообщество), в которой имеется свой центр, подобно Солнцу, и своя периферия (планеты и другие космические тела). При этом я рассматриваю Центр не в административно-территориальном смысле, а как сосредоточие «вечных» объектов и ценностей, от которых отталкиваются (и «согреваются») «отдельные планеты», в т.ч. социологи. У каждой цивилизации имеется свой центр или культурное ядро, определяющее в значительной мере этос ученых.

А пока за неимением собственных героев «продвигают» западных теоретиков — П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, Н. Лумана и пр. Их идеи имеют привлекательную товарную оболочку и широко тиражируются. К сожалению, отечественным социологам некоторые наши эксперты отводят роль «компиляторов», «популяризаторов», «реинтерпретаторов», «апдейтеров» и «апгрейдеров». Откуда вообще могут появиться маститые теоретики, если в «инструментальной сумке» российских обществоведов все смешалось, все перепуталось? (Д.Г. Подвойский).

Кроме того, с точки зрения отдельных экспертов западные социологи всегда ходят «в тренде» или выражают «правильную повестку дня» (а кто же ещё, как не они?), а наши, мол, плетутся в хвосте событий, подбирая с их стола интеллектуальные объедки. А кто сказал, что такая повестка отражает реальный круг проблем нашего общества, а не надуманный, идеологически ангажированный образ западного мира? И почему мы так опасаемся вступить на скользкую дорогу ренегатства в социологии, если Россия и Китай уже объявлены таковыми в экономике и политике? Осталось закрепить этот статус в философии и науке. Быть ренегатом не так уж плохо, лучше, чем маргиналом или обслуживающим персоналом.

Согласен с теми, кто считает, что парадигма — не единственный путь развития отечественной социологии. Могут быть и другие (предметная или проблемная ориентация). Так называемая «марксистская парадигма» была заимствована нами опять же с Запада. Нынешние постмодернистские и прочие теоретические дискурсы — то же. Такая идейная всеядность и парадигмальная зависимость приводит лишь к одному следствию — закреплению отставания российской социологии и всего социально-гуманитарного знания на десятилетия. Впрочем, это происходит не только в науке. А почему бы не создавать свой альтернативный теоретический дискурс и предлагать собственную «повестку дня»? И кто определяет социологию как глобально-рыночное предприятие? Только те, кто верит в рынок как земное чудо, а демократию как панацею от всех бед.

К сожалению, отечественная социология, как и другие социальные науки, фактически самоустранилась от решения проблем цивилизационного развития российского общества, передав их на попечение философам и культурологам. В то же время многие исследователи продолжают размышлять на цивилизационные темы, анализируя различные модели общественного развития. Меня удивляет тот факт, что они, будучи людьми высокого интеллекта, предпочитают верить в миф о «магистральном пути», который предначертан России всем многовековым опытом коллективного

Запада. Я не могу смириться с такими настроениями, которые навеяны осознанием безальтернативности цивилизационного выбора.

2. В теоретическом плане идея социального порядка, которой придерживались представители как классической, так и неклассической науки второй половины прошлого века, уступает место идеям социального хаоса и «конца» упорядоченного социального мира, вошедшим в сознание социальных ученых в последние десятилетия в связи с навязанными им играми постмодернистского толка.

И всё же попытки построить общую социальную теорию продолжают. Но, возможно, в нынешней ситуации они несвоевременны. Эксперты утверждают, что нет якобы «генерального заказчика» на такие теории ни со стороны государства, ни гражданского общества, ни бизнес-элиты. Возможен и другой ответ: отечественным социологам всегда чего-то не хватает, чтобы быть на переднем крае социального теоретизирования. И не только «специализированной аудитории», готовой проглатывать целиком теоретические премудрости. Боюсь, что всем нам не хватает способности к критической рефлексии (и саморефлексии) и элементарного гражданского мужества.

Примечательно, что в числе отечественных теоретиков неизменно называют В.А. Ядова, Ю.А. Леваду, Л.Г. Ионина и некоторых других. Безусловно, это — яркие и талантливые люди. А собственно, какие теории они создали? Может быть, кто-нибудь из коллег мне назовет теорию, сопоставимую по своему уровню с теорией социокультурной динамики П.А. Сорокина?

Приходится согласиться с тем, что «в России существуют специалисты и знатоки теоретических проблем социологии, но в большинстве случаев они не выступают с масштабными авторскими концептуальными проектами» (Д.Г. Подвойский). Но тут же следует тезис автора о догоняюще/полупериферийном статусе нашей теоретической социологии, на который следует возразить. Я предпочитаю думать, что та часть социологов, которая ориентируется на западные научные стандарты (а какие, мол, еще существуют?), является идейно-вторичным явлением. Но имеются и те, кто ищет альтернативные варианты развития теории и создает, на взгляд скептиков, «кустарные» теоретические конструкции. Не уверен, что первый вариант значительно лучше второго. По мне уж лучше заниматься самостоятельной социологией, чем бесконечно переписывать чужие идеи.

На пути построения новых социологических теорий, претендующих на научный статус, стоит, как отмечают коллеги, её десциентизация и гуманитаризация за счет включения в теоретические дискурсы филологической и прочей гуманитарной (в т.ч. феминистской, гендерной) проблематики. Сколько раз уже объявляли «конец социологической теории»? Да, отдельные участники опроса тоже не против «подбросить дровишек» в жертвенный костер социологии. «Социология как дисциплина будет подвержена фрагментации раньше, чем российские социологи успеют выйти на мировую арену в качестве полноправных партнеров» (В.В. Радаев). Может, не стоит так уж стремиться стать полноправными партнерами с западными коллегами и тогда наша социология проживет еще больше и успеет предложить хотя бы несколько оригинальных теорий, прежде чем уйдет в неизвестность?

Не знаю почему, но наши соотечественники страдают комплексом профессиональной неполноценности, отдавая безусловную пальму первенства западным теоретикам. «Не могу себе вообразить концепт “российская социология” как “самостоятельное теоретическое направление”» (О.А. Оберемко). Или еще одно утверждение.

«Технически российские теоретики не могут быть хуже», а в остальном они признаются неакадемическими исследователями. Я не знаю, можно ли социологию сравнивать с гражданским самолетостроением. Но вот с чем я точно не могу согласиться, так это со следующим высказыванием уважаемого эксперта: «Социологическая теория как предприятие возможно, на мой взгляд, только в более сложном, более дифференцированном обществе, где осваиваются более тонкие механизмы координации взаимодействий; в обществе с упрощенной организацией негде летать ни гражданским самолетам, ни теоретикам социологии — нет воздуха» (О.А. Оберемко).

Даже если относиться к социологии как к рыночному предприятию, то этот довод недостаточно убедителен. Гражданские самолеты и теории социологии не стоит «класть в одну корзину». Автору надо бы знать, что причиной отсутствия собственных самолетов является недобросовестная конкуренция со стороны западных партнеров и предательство национальной элиты, в т.ч. и многих руководителей авиастроения. У нас имеются прекрасные самолеты, не уступающие западным аналогам, но их опытные образцы продолжают пылиться в ангарах. Не буду вдаваться в подробности о том, в чем и как виновата бюрократическая система. Как-то не по-социологически это будет звучать.

А вот что, действительно, принципиально, так это недооценка сложностной и дифференцированной природы российского общества. Россия представляет собой сложносегментированное общество, соединяющее в себе каким-то причудливым образом разные миры людей — управляющих и управляемых, бедных и богатых, свободных и зависимых, коллективистов и индивидуалистов, глобалистов и традиционалистов, либералов и коммунистов, патриотов и космополитов, горожан и сельчан, русских и татар, и пр. Так, например, мир советских людей по-прежнему существует и воспроизводится. И те, кого презрительно либералы называют «совками», живут и успешно трудятся среди нас. Стоит ли сводить всё это многообразие к одной из возможностей — механизму бюрократической унификации или рыночной трансформации, которые (хотя и каждая по-своему) выхолощивают всё живое и убивают творческое, подгоняя его под типовые образцы?

Тонко там, где рвется. А, следовательно, нет уверенности в прочности связывающих нас духовных уз. В обществах западного типа встречается множество далеко не тонких и даже откровенно примитивных связей или механизмов. И они ничуть не более дифференцированы, чем наше общество. Ведь очевидно, что далеко не всё измеряется рыночными отношениями и материальным достатком. И, к примеру, наш русский народный танец ничуть не хуже американского брейк-данса или хип-хопа. Он просто другой. Не видеть и не ценить наш культурный стиль, а вместе с ним и огромное социальное разнообразие — значит проявлять близорукость или искать свою культурную идентичность на стороне.

Я не призываю социологов во чтобы то не стало полюбить Россию и её культуру. Или, напротив, отвергать её из-за извечных пороков — плохих дорог, дураков, неискореняемой бюрократии, коррупции и прочих бед. Истина, как всегда, находится где-то посередине. И каждый выбирает свою правду. Беда только в том, что раньше правду искали, а теперь придумывают. И та «правда», которая содержится в фейковых новостях или в формальных отчетах различных начальников в социологии, нас вряд ли устроит. К тому же многие социологи перестали опираться на факты, а продолжают верить в интеллектуальные бредни наших цивилизационных оппонентов. Слова

одержали верх над делами и поступками. Достаточно заявить или написать о чем-то, как тут же найдутся сторонники покопаться в нюансах написанного и сказанного. И чем изощреннее выдумка, тем больше у нее появляется ценителей и знатоков.

Например, сколько умных голов в России размышляли о том, что нового внесли постмодернисты в понимание социальной действительности. А ведь у всяких плодов на дереве обнаруживаются ветви и стволы, которые в свою очередь питаются корневой системой. Пробовать на вкус плоды с чужого дерева, вырастающего из чужой корневой системы, — не самая трудная задача. Гораздо тяжелее вырастить своё дерево на собственной почве и получить от него вкусные плоды (в нашем случае — достоверные научные данные). А для этого нужны систематические усилия многих поколений профессионалов, работающих с фактами.

Да, меня можно заподозрить в почвенничестве. И я этого нисколько не скрываю. Но моё почвенничество не местечковое, возникшее по поговорке «где родился, там и пригодился», а универсальное. Локальные цивилизации, в т.ч. и российская, не исчерпали свой потенциал развития. Идеи, как и растения, лучше всего приживаются на той почве, где для них созданы благоприятные условия. Под почвой я понимаю уникальную природную и социокультурную среду (ландшафт), которая соответствует цивилизационному духу общества и питает теории, в т.ч. социологические, соками самой жизни. И нашей исторической почвой является российская цивилизационность. Такова моя простая и незатейливая экософия.

Конечно, знатоку и ценителю чужого интеллектуального продукта трудно принять то, что претит его пониманию истинного, прекрасного или высокого. Он предпочитает искать истину на стороне. Или, как предлагает В.Г. Николаев, заняться «вторичным» теоретизированием, поскольку «время первых» давно прошло. К тому же надо же кому-то «обжигать горшки». Почему бы эту работу не поручить отечественным социологам? Ведь у них уже есть референтный образец и им к обслуживанию великих умов Запада не привыкать.

И всё же коллеги подсказывают правильный выход всем нам, как «почвенникам», так и «западникам», как «теоретикам», так и «практикам»: «тем, кто работает, надо продолжать работать. Тем, кто только раздумывает, надо решиться — инвестировать и работать». Конечно, надо работать, не впадая в крайности «конструктивного разномыслия» и не обращая внимание на постмодернистский гиперкритицизм, который своим ядом разлагает даже сознание добросовестных исследователей. А ещё надо верить в себя и свою страну, бытие которой не сводится к проявлениям бытового хамства, чиновничьего беспредела и рыночного цинизма. Вот тогда в пору заняться философскими и социологическими штудиями.

Боюсь, что систематический рыночный спрос на социологическую теорию никогда не наступит. Или же это будет запрос на очередной вариант «служанки буржуазии» или «советской идеологии». Социология как наука и «сложная координация взаимодействий» нужны, прежде всего, самим социологам. Это им не хватает реактивности, проблемного чутья и стремления объяснить мир во всем его разнообразии и в привязке к условиям среды, а не в рамках чужих, скроенных наспех концептуальных схем, которые можно бесконечно совершенствовать и модифицировать. Не стоит опять же переоценивать общественную необходимость или рыночный спрос, уподобляя социологию рыночной практике и ставя её в зависимость от желания заказчиков.

Нам нужна собственная социология, а точнее — социологическая программа, а ещё точнее — много таких программ, которые изменят представления о социальном мире и дадут продуктивный выход на путь обнаружения новой, рождающейся на наших глазах социальной реальности. Вот этим (программированием или проектированием) и надо заниматься сегодня тем, кто связывает свою судьбу с социологией в России. Примитивно — не общество, а те теоретические и прикладные разработки, которые описывают это общество в чуждых его логике развития (а чаще всего — умозрительных) схемах.

Наверное, сложность и дифференциацию общества можно «затушевать», «искажить», но как можно их придавить или придушить? Что за слепая вера в безграничный волонтаризм власть имущих? Они, конечно, многое деформировали и исказили, но не настолько, чтобы под их бюрократическими наслоениями и плохо сделанными идеологическими конструкциями не увидеть проступающую сложность российской действительности.

Полагаю, что процессы социальной самоорганизации можно замедлить, но нельзя остановить. Не получится. Внутри российского общества уже давно зреют вулканические процессы, которые рано или поздно вырвутся наружу. Но социолог должен уже сейчас их предвидеть и составить свои прогнозы, чтобы направить возможные изменения в конструктивное русло социальных реформ. Иначе нас ожидает деструктивный хаос, который уже заполняет социальное пространство.

Разрушая мир вокруг себя, Запад желает сохранить свои незыблемые основы и остаться единственным островом расширенного социального порядка среди затопленных равнин, а вместе с тем и непревзойденным образцом демократии. Постмодернистская идеология была придумана для того, чтобы обрушить социальные порядки стран второго и третьего мира. Западная Европа уже вполне вкусила плоды этого эксперимента и переживает глубочайший за всю историю социальный и духовный кризис. А многие страны третьего мира погрязли в конфликтах, инспирированных идеологами первого мира. И только Китай продолжает свой многовековой путь, ориентируясь на свои «вечные ценности». Российским социологам хорошо бы изучить его опыт, а заодно познакомиться и с концепцией А. Уатхейда о «вечных объектах», которые сохраняются и воспроизводятся на протяжении длительного исторического периода.

Не уверен, что нам стоит во что бы то не стало претендовать на своё место под солнцем — искать нишу в глобальной теоретической повестке, получить «заметность», чтобы продемонстрировать себе и миру «эффект присутствия». И не только потому, что у нас имеются свои «вечные ценности». Пора перестать что-то и кому-то доказывать, перед кем-то оправдываться или каяться в мнимых грехах. Давайте преодолевать в себе комплекс неполноценности не только перед Западом, но и перед своим профессиональным сообществом. Зачем добиваться от социологов признания их «вклада» по меркам, которые придуманы не у нас? Мы просто другие — и этим всё сказано. И у нас может быть иная «повестка дня» (например, поиски путей цивилизационного развития России).

Нам надо для начала разобраться в самих себе, понять, что мы собой представляем и куда идём. И здесь недостаточно оперировать заимствованными философиями менеджмента и руководствоваться исключительно рыночными критериями («сокращать издержки», «повышать качество продукта», «добиваться эффективности»).

Кому это нужно? Уж точно не ученым. Неужели опыт критической социальной мысли уже не показал, что путь отчуждения и овеществления ведет в тупик? Никаких общих тенденций мирового развития не существует, а западный путь — не единственный свет в туннеле. Это — навязанная нам картина мира, искажающая естественный социальный порядок и подчиняющая его целям безмерного и хищнического по сути обогащения транснациональных корпораций.

Эго-деятели, являющиеся продуктом капиталистического отчуждения, уже готовы присвоить себе все планеты и звезды, сделать их предметом торговой сделки. Так, полным ходом идёт афера с продажей участков на Луне. Сколько еще можно заботиться о вечном и материальном, подчиняя ему ход истории и достижения научно-технического прогресса? Неужели непонятно, что нам не удастся сохранить жизнь на планете, если мы не остановим губительный по своим последствиям процесс капитализации, финансиализации и технизации.

По моему убеждению Россия находится на очередном витке цивилизационного выбора. В условиях надвигающейся холодной войны ей предстоит определить свой путь развития и по возможности избежать политики самоизоляции. В этой связи роль социологической науки как никогда возрастает. Трудно быть ценностно нейтральным исследователем в обстановке нарастающего идеологического прессинга Запада. Российские социологи, хотя бы они этого или нет, являются частью идеологической машины государства, которая продолжает работать со сбоями и крайне неудовлетворительно, поскольку на официальном уровне единая государственная идеология не признается. Опыт показывает, что нам нужна государственная или общенациональная идеология, соответствующая культурным истокам и социальным устоям российской цивилизации. И в её разработке вполне могли бы участвовать социологи, не теряя при этом своей научной объективности.

3. У прикладной социологии в России имеются шансы для развития, но только не в качестве прислужницы западного истеблишмента. Превращение социологии в корпоративную науку — это путь к забвению самой социологии. Она должна сохранить собственный суверенитет, а не пенять на примитивизацию общества. А то получается как у некоторых либералов: «с народом нам не повезло», да и с обществом тоже. Слишком примитивным оно оказалось в результате чьих-то злонамеренных действий или бездействий, а потому не достойно изучения социологов-интеллектуалов. Уважаемые коллеги, у нас нет для Вас другого общества, как и другого народа. Изучайте это или ищите свои ценностные предпочтения за рубежом.

Еще одна проблема прикладной социологии, которую поднимают участники опроса, это — коммерциализация исследований. Особый случай — «покупная» социология, обслуживающая интересы режима. Не готов оценить масштабы бедствия. Здесь нужны конкретные цифры и факты. Поэтому воздержусь от голословных суждений.

4. Несколько слов о проблемах социологического образования, которые стали предметом разногласий среди наших экспертов. Да, социологических факультетов возникло много еще при В.И. Добренькове, когда он был председателем УМО по социологии и подписывал рекомендации об открытии специальности. И в этом я ничего плохого не вижу. Тогда нужна была своя корпоративная общность и её создавали впрямь, не заботясь особенно о качестве социологического образования. А затем «правила игры» и образовательные стандарты поменялись. Их стали устанавливать не представители академических институтов и даже не МГУ или СПбГУ, а руководи-

тели Высшей школы экономики или как её называют в народе — «Вышки» (звучит как приговор). Именно они (и никто другой) знают, как готовить «молодые кадры приемлемого уровня» и то, какое социологическое образование нам нужно.

Для многих преподавателей социологии это, действительно, стало вышкой. Последнюю приговорили к западному, преимущественно англо-саксонскому варианту развития. Именно оттуда были заимствованы все основные образцы образовательных программ. Возможно, для развития интеллекта будущих социологов это оказалось полезной игрушкой, а вот для понимания российской действительности вряд ли. Нет такой социологической теории на Западе, которую можно было бы заимствовать для анализа российского общества без искажения его реальной картины.

То, что преподавание социологии постепенно сокращается в вузе, известно давно. И лично меня слабо успокаивает тот факт, что это — «часть мирового тренда». Если мы такие отсталые, то нам и время нужно больше для освоения социологических дисциплин. Ведь социология и модернизация всегда идут рука об руку. Поскольку у нас не завершена «модернизация сверху», в целесообразности которой я лично не уверен, предпочитая ей «модернизацию снизу», то нам и социологию «закрывать» ещё рано. Не понимаю, почему такая простая мысль не приходит в головы тем, кто обслуживает наше правительство и предоставляет ему рекомендации не только по образовательным стандартам, но и по социологическому мониторингу социально-экономических реформ.

Давняя мечта либерально мыслящих руководителей социологического образования — поглотить и подчинить себе социологические институты и подразделения РАН. В лучших традициях западной пропаганды их голословно объявляют непривлекательными, несостоятельными и невостребованными. Что только они не предлагают, чтобы доказать официальной власти, что академические структуры должны быть интегрированы в ведущие вузы (разумеется, в первую очередь в «Вышку» и ее многочисленные филиалы). При этом в их адрес летят беспочвенные обвинения в низкой научной результативности, оторванности от практики и пр. Лично я не вижу в этом ничего другого, кроме стремления освоить новые ресурсы и убрать конкурентов со своего пути или заставить их работать на себя. Ведь публикационная активность большинства вузовских преподавателей социологии крайне низка. Да и когда им при такой учебной нагрузке заниматься публикациями?

Если Вы уж так озабочены качеством социологических исследований и публикаций, то не проще, во-первых, снизить объем нагрузки преподавателям вуза, чтобы они имели равные стартовые возможности с академическими исследователями? А затем всё решит честная конкуренция. Уверен, что хорошие исследователи имеются в обеих категориях социологов. А затем, во-вторых, надо устранить монополию на лучшие преподавательские кадры по социологии, которую установила Высшая школа экономики благодаря своей не очень конкурентной кадровой политике. Ведь по признанию проректора этого университета «под крышей ВШЭ собраны уже почти все сильные кадры по социологии, и выясняется, что черпать далее особенно неоткуда» (В.В. Радаев). Стоит ли тогда сетовать на низкий уровень социологического образования в регионах страны и на обреченность периферии «выполнять обслуживающую функцию»? Можно, конечно, объявить региональные социологические центры филиалами ВШЭ и окончательно ликвидировать региональную социологию как класс.

А теперь я хочу немного пофантазировать. Считаю, что, если мы хотим и дальше изучать своё общество и ориентироваться в мировых процессах, то социологическое образование в стране нужно развивать и поддерживать со стороны государства, а не бросать его на молох рынка. А социологические факультеты следует сохранить во всех крупных университетах страны и в первую очередь — региональных. И поэтому студентов по маркетингу и рекламе вполне можно перевести в состав этих факультетов, чтобы они имели возможность получить фундаментальное образование, не теряя своей прикладной направленности. Это относится и к управлению персоналом и другим практически ориентированным специальностям, которые искусственно оторваны от своей материнской базы — прикладной социологии.

6. Понятие научной школы не получило широкого распространения в социологической среде. Мы знаем не так уж много мощных социологических школ в мире — школа Э. Дюркгейма, Чикагская школа и некоторые другие. По мнению радикальных критиков, у нас этих школ не было в принципе, если не считать самоназванных («уральская», «новосибирская» и пр.). Может быть, причина такой ситуации заключается не в отсутствии школ, а в неготовности лидеров социологии брать на себя ответственность за состояние социологических исследований в стране? Возможно, этим лидерам не хватает не только профессиональной компетентности или харизмы («пассионарности»), но и стратегии идентификации.

Но ведь лидеры у нас были и не только в советское время. Они и сегодня есть, но я ничего не слышал об их научных школах, хотя хорошо известны исследовательские группы и центры Т. Заславской, Г. Батыгина, Н. Лапина, А. Филиппова и многих других. Наверное, у каждого из экспертов имеется своё представление о научной школе.

Так что же с нами происходит сегодня? Может быть, мы утратили лидерский потенциал в науке, так как оторвались от собственных цивилизационных корней? Как бы там ни было, я убежден, что способы смыслополагания и жизнеустройства (цивилизационного строительства) органически связаны между собой и являются первичными по отношению к «способам координации общественных взаимодействий». Именно они задают эталоны качества социологического продукта, а не пресловутые западные стандарты.

Наши социологи попали в плен западной идентичности не вчера, а как минимум — столетие назад, когда перед Россией в очередной раз остро встала проблема цивилизационного выбора. И тогда этот выбор был совершен в пользу одного из вариантов, вызревавшего в глубинах западной цивилизации, но так и нереализованного ею, — некапиталистического. Россия в силу своей цивилизационной слабости снова изменила своей исторической миссии и попыталась примерить на себя одежды популярной на Западе модели социализма.

Эксперимент получился, но, как известно, с огромными издержками и человеческими жертвами. И ситуация снова повторяется на новом витке исторического развития. На этот раз мы повернули в противоположную сторону и стали строить капитализм ценой поломанных жизней и искалеченных судеб миллионов людей. Не много ли шараханий из стороны в сторону для одного столетия? Может быть, стоит, наконец, остановиться и разобраться в своих цивилизационных ценностях? А это — мир (как состояние общества), реальный гуманизм, справедливость, безопасность (в широком смысле), экологическая гармония, нравственное совершенство и пр.

Мои коллеги сетуют на слабую самоорганизацию отечественных ученых. А что, когда-нибудь было иначе? Но в советское время научные традиции в большинстве вузов сохранялись и передавались от поколения к поколению, а теперь, после так называемых реформ, большинство из них разрушены. Остаётся только заимствовать, что и делают такие вузы, как «Вышка», Европейский университет и другие. Относительно судьбы независимых научных центров я не так оптимистичен. Здесь может случиться та же ситуация, что и с самоорганизацией ученых. Опять же нужны лидеры, и в не меньшей мере — институциональная среда.

Полагаю, что для российской социологии важна не столько национальная специфика, сколько цивилизационная. Поэтому, если мы претендуем на статус особой (русской) цивилизации, то у нас не может быть одной социологии с представителями западной цивилизации. Слишком велика культурная дистанция между нами, а главное — принципиально несовместимы способы смыслополагания и точки «сборки» социокультурной реальности. Кроме того, каждая цивилизация формирует свой тип субъекта, который в свою очередь творит её историю. Западная цивилизация уже давно культивирует автономного субъекта и его доминирующий тип — эго-деятеля. В России еще только должны в полную силу проявиться цивилизационная общность и вырасти свой тип субъектности (например, всечеловечность). Однако моя точка зрения на эту проблему вряд ли устроит коллег, которые отстаивают теоретические установки западной социологии.

Еще раз подчеркиваю, социология в России должна обрести свою цивилизационную идентичность. Нет никакой «универсальной» (и тем более — мировой) социологии. Есть западная (прежде всего, американская) социология и её российские адепты. Имеются также социологии восточных цивилизаций и др. У каждой из них складывается своё культурное ядро и формируется свой аппарат самоописания, включая социологическое познание. Российская же социология пока не нашла пристанища в своём цивилизационном лоне. И в этом нет вины только одних социологов. Ответственность лежит также на тех, кто призван заниматься поиском путей цивилизационного развития (философов, культурологов, историков и пр.).

7. В науке, как и в социуме в целом, на безрыбье и рак может оказаться рыбой. В отсутствие самодетельных сообществ можно довольствоваться тем, что уже есть, сложилось после прохождения всевозможных бюрократических фильтров. Так происходит и со многими отечественными научными ассоциациями и обществами. Исходя из этого и надо оценивать их деятельность. У нас есть одно большое философское общество (РФО) и несколько маленьких. Имеется также РОС и другие, менее известные социологические ассоциации. Об организационной слабости этих обществ я не буду говорить. Всё познается как известно, в сравнении. Но я не готов согласиться с тем, что причина их слабости заключается в незначительном по объему финансировании.

Проблема лежит, на мой взгляд, совершенно в другой плоскости.

Во-первых, на протяжении десятилетий система отбора (фильтрации) руководителей и организаторов науки (как формальных, так и неформальных лидеров) работала по принципу исключения сильных и малоуправляемых неформальных лидеров из числа претендентов на командные должности в системе управления наукой и образованием. Этому способствовало и молчаливое «большинство» научно-педагогических работников, которое всегда голосует за тех, кто не представляет опасности и не сможет нарушить их статус-кво. Почему, например, замечательного социолога

Г.С. Батыгина в своё время коллектив не избрал директором Института социологии РАН? Может быть, он был слишком хорош для него? Точно также идёт отбор и на общественные должности.

Во-вторых, развитию социологических ассоциаций, в т.ч. РОС, мешает организационная разобщенность социологов, которые демонстрируют, по словам О.Г. Подвойского, «очень уж низкий... уровень цеховой солидарности, взаимопомощи, корпоративного духа, гордости за свою профессию, готовности держаться вместе и отстаивать общие интересы и ценности перед лицом влиятельных социальных акторов и институтов (государства, бизнеса, общественного мнения, СМИ и т.д.)».

И всё же РОС нужен отечественным социологам, хотя бы для того, чтобы регулярно проводить конгрессы и поддерживать связи между регионами. А вот когда в России появится самоуправление ученых, осознавших свой цивилизационный выбор, тогда и РОС, другие социологические общества обретут новое дыхание. Они станут цивилизационно укоренными, а не просто легитимными с точки зрения каких-то формальных критериев.

8. Отношение к РИНЦ и другим системам научного рейтинга в большинстве случаев у экспертов отрицательное. Я уже писал о том, что лично для меня эта система предоставляет массу элементарных удобств, в т.ч. возможности поиска нужной информации. А вот привязка к СКОПУСу и другим системам ввергает научных сотрудников в настоящее публикационное рабство и заставляет их поступать согласно принципу «публикуйся или гибли», на который, по словам О.Г. Подвойского, указывал еще Р. Мертон. Кроме того, это, как отмечают коллеги, дает в руки нашим чиновникам «бюрократическую дубинку» или «кнут-пряник». Ведь «эффективные» менеджеры могут порождать только фиктивные результаты и плодить таких же «эффективных» ученых и преподавателей, для многих из которых имитация научной деятельности постепенно становится нормой.

Рейтинги являются частью навязанного нам порядка признания значимости научных результатов. Они выступают винтиком в технократически-менеджеристской модели оценки труда ученых. Здесь мы (а точнее — наши чиновники от науки) опять попали в ловушку формального механизма, созданного для стран третьего мира и ориентированную на «глобализированную, преимущественно англоязычную систему публикаций и академических репутаций». Соответствовать ей — значит заниматься профанацией научных исследований, участвовать в чужой борьбе за пресловутую эффективность.

Правы те коллеги, которые считают, что экстернальный путь, ориентирующий на формальные наукометрические показатели исследовательской деятельности вступает в противоречие с интернальным способом — поиском истины. И здесь не нужно никому доказывать, что первый способ побеждает в этой неконкурентной борьбе.

В итоге выживают не сильнейшие и профессионально крепкие исследователи, а различного рода имитаторы и приспособленцы. «“Слабые” — точнее “медлительные”, “честные”, “излишне принципиальные” ... etc... — проигрывают в этой все ускоряющейся гонке, а “сильные” — быстрые, “экстернально ориентированные”, “нахрапистые” (прочие экспрессивные эпитеты опускаем!) — побеждают» (О.А. Подвойский). Я уже приводил в предыдущем выпуске журнала данные об искусственном наращивании коэффициента Хирша некоторыми коллегами по философскому фронту. То же самое происходит и в социологическом цехе.

Кто же заставляет нас принимать эти дурацкие правила игры? Особенно сейчас, когда Россия практически находится в ситуации холодной войны с Западом. Последний демонстрирует нам не только грубую военную мощь, но и свою необъятную «когнитивную власть». Чего же мы тогда бежим впереди паровоза? Неужели нам так нравится притворяться «идиотами» и «иванами, не помнящими родства»? Что мешает нам объявить бойкот этой, неокOLONиальной, по сути, системе оценки научных результатов? И выработать свою стратегию социологических исследований, ориентированную на собственные критерии цивилизационного развития? Наверное, мешает чиновничье пресмыкательство перед всем западным и всё тот же пресловутый комплекс профессиональной неполноценности научных сотрудников, а может быть, что-то ещё.

Но больше всего меня возмущает не верноподданнические действия чиновников либерального (или псевдолиберального) толка, а стремление части социологического сообщества попасть в мейнстрим западной науки, стать «своими», добиться признания у западных коллег пусть даже ценой отказа от собственных ценностей и критериев научности. Не спорю, в некоторых отношениях западная наука продвинулась гораздо дальше, чем отечественная. И это тема отдельного обсуждения. Однако ничто не мешает нам заниматься проблемами современного общества и в первую очередь отдавать дань анализу социальных процессов, происходящих в нынешней России, которая представляет собой «мир миров» или сложную конгломерацию различных, порой исключаящих друг друга образов жизни.

10. Я уверен, что российская социология будет жить до тех пор, пока существует столь богатая панорама социальной действительности. Только надо постепенно изживать в себе колониальную зависимость от западной социологии и навсегда забыть о своей «провинциальности». Россия, как отмечают участники опроса, это — целая Вселенная или планета, соединяющая в себе разные гетерогенные социальные образования. Разобраться в сложном многообразии её миров — задача нелегкая даже для профессионалов. И здесь не место тем, кто считает, что мы безнадежно отстали и должны тратить время на переучивание и участие в рейтинговой гонке. Если мы сами не будем изучать свой мир и разбираться в собственных цивилизационных корнях, то скоро нас будут рассматривать под микроскопом как разделенную и угасающую страну.

В одной из последних передач «Познер» (16.04.18) в разговоре ведущего с Федором Лукьяновым речь шла о том, что российские участники общественных дебатов всё время пытаются понравиться Западу, оправдаться перед ним, добиться от него признания-понимания. А это свидетельствует об их заниженной самооценке и непонимании своего места России в кругу цивилизаций. Мы всё еще ищем оценку самих себя вне нас, ориентируясь на западные ценности. А ведь там уже многое изменилось. Демократия на Западе стала мантрой и красивой картинкой. Её суть с каждым годом выхолащивается. А мы по-прежнему считаем её атрибутом современности и продолжаем верить в единственно правильный выбор. И это ничуть не лучше менталитета «осажденной крепости».

К сожалению, у многих наших обществоведов, которые являются частью сообщества людей, болезненно зависящих от западного образа жизни и еще больше от образа мысли (прежде всего, американского), никак не наступит отрезвление, а вместе с ним и освобождение от интеллектуальных пут, которыми их связала западная социальная наука, привнеся вместе с «передовыми» идеями и собственные смысло-

жизненные ценности. Если не ошибаюсь, Михаил Жванецкий как-то сказал, что «жить как там, а работать как здесь, не получится». Чтобы служить истине, надо пожертвовать комфортом и засучить рукава перед началом большой работы.

Российские социологи слишком озабочены тем, как к ним относятся там, на Западе, встроены ли они «в более широкие академические пространства» или нет. И им бывает очень обидно, что их игнорируют или продолжают не замечать. А может быть, достаточно того, чтобы их знали ближайшие коллеги по профессиональному цеху? И что плохого в том, что кто-то нас выталкивает из «большой» теории и побуждает заниматься «родным обществом»? Ведь большая теория рождается из малой гипотезы.

Плохо, однако, то, что сами социологи (или, по крайней мере, их значительная часть) размывают дисциплинарные границы своей науки. «Никто не сделал столь много для разрушения социологии, как сами социологи» (В.В. Радаев). Может, стоит остановиться и прекратить заниматься самовредительством. К тому же хватит сомневаться в себе и переживать по поводу своей отсталости или неполноценности. И так уже много времени потеряно. Пора, наконец, заняться созидательной работой.

Вместе с тем я должен огорчить В.В. Щербину в том, что полноценной (в смысле классики) науки, тяготеющей к проблеме социального порядка, уже не будет. В одну и ту же реку не вступают дважды. В прежнее русло отечественную социологию не вернуть. Особенно после её бурного романа с постмодернизмом. Мы прошли точку невозврата, за которой начинаются попытки осмыслить социальную реальность в терминах хаоса, сложности и т.д. И свою роль сыграла в этом постмодернистская идеология, которая оставила после себя сумятицу в головах социальных ученых. Не у всех, конечно, но у очень многих. Так что «выйти в лидеры мировой социологии» не получится. Тем более, что этой социологии уже давно нет. А вот воссоздать отечественную социологию на новых цивилизационных основаниях у нас еще есть исторический шанс.

Конечно, я также, как и мои соотечественники, не питаю иллюзий относительно степени развитости нашего общества и его невероятной органической или духовной целостности. Но меня увлекает его сложная структурированность, социокультурное разнообразие входящих в него жизненных миров и многое другое. И в этом уникальном социальном образовании отчетливо просматриваются особые цивилизационные черты, которые интуитивным образом улавливаются представителями других цивилизаций и заставляют их с интересом или с настороженностью относиться к нему. Чтобы не утратить окончательно чувство цивилизационной идентичности, пора перестать смотреть на общество как на «объект», очищенный от ценностных и субъективных наслоений, и посмотреть на него как на уникальный, интегрирующий на единой цивилизационной основе множество культурных стилей и форм способ со-бытия людей, от которого зависит их настоящее и будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. — 2008. — № 7. — С. 24-33.
2. Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. — 2013. — № 7. — С. 4-17.
3. Резник Ю.М., Глостанова М.В. Еще раз об этосе гуманитарных ученых (диалог) // Личность. Культура. Общество. — 2012. — Т. XIV. — Вып. 2 (№№ 71-72). — С. 9-37. — Вып. 3 (№№ 73-74). — С. 8-30.
4. Сафонова М.А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 107-120.

BIBLIOGRAPHY

1. Radaev V.V. Vozmozhna li pozitivnaya programma dlya rossiyskoy sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2008. – № 7. – S. 24-33.
2. Radaev V.V. Rossiyskaya sotsiologiya v poiskakh svoey identichnosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2013. – № 7. – S. 4-17.
3. Reznik Yu.M., Tlostanova M.V. Eshche raz ob etose gumanitarnykh uchenykh (dialog) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2012. – Т. XIV. – Вып. 2 (№№ 71-72). – S. 9-37. – Вып. 3 (№№ 73-74). – S. 8-30.
4. Safonova M.A. Setevaya struktura i identichnosti v lokalnom soobshchestve sotsiologov // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2012. – № 6. – S. 107-120.

Примечание

1. Попытку дать краткую библиографическую справку об известных социологах России предпринял Ж.Т. Тощенко. Конечно, можно спорить об обоснованности критериев отбора и структуры справок, но факт остается фактом. В современной России имеется мощный профессиональный отряд социологов, которым по силам собственные исследовательские программы. См.: Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 544 с.

Поступила в редакцию 11.03.2018 г. (№ 2246)